

После обстоятельной беседы с Хэ Чэнвэем Ху Вэйминь почувствовал, что его багаж знаний требует пополнения. К счастью, в Яньда была одна из лучших библиотек в стране, где он мог восполнить любые пробелы.

В последующие дни он совмещал литературное творчество — писал обещанные детективные рассказы, такие как Кто настоящий убийца — с походами в библиотеку.

В тот день он работал в вечернюю смену. Недавно дочитав Войну и мир, он решил с утра заглянуть в библиотеку за новым романом. Сдав книгу, Ху Вэйминь принялся просматривать полки, и тут его внимание привлек разговор двух студентов.

— Слышал? Вчерашний фильм в актовом зале запретили к показу еще на середине.

— Какой фильм? Первый раз слышу.

— Кажется, Горькая любовь. Снято по сценарию учителя Бая.

— Я читал этот сценарий в журнале Октябрь в этом году. По-моему, ничего крамольного там нет.

— Говорят, вокруг него много споров. Неизвестно, когда теперь фильм вообще покажут.

— М-да, произведение опубликовали, а снять по нему фильм не дают. Что за дела?

— Тсс, прикуси язык.

— Чего бояться? Руководство само сказала, что времена перемен уже позади.

— Да кто ж знает, как оно на самом деле.

Закончив разговор, они поспешно ушли.

— Горькая любовь... Октябрь... — пробормотал Ху Вэйминь, погружившись в раздумья.

Он нашел стеллаж с литературными журналами и без труда отыскал нужный выпуск Октября за этот год.

— Учитель, я хочу взять эту книгу.

Забрав экземпляр, он решил никуда не уходить и прямо в библиотеке принялся читать статью,

вызвавшую столько шума. Содержание оказалось весьма острым, но больше всего его поразило то, с каким ехидством автор отзывался о правительстве. От этого ему стало не по себе. В тексте было полно метафор, но, на взгляд Ху Вэйминя, это были вовсе не метафоры, а самые что ни на есть прямые мысли, изложенные так, будто автор боялся, что читатель чего-то не поймет.

Дочитав, Ху Вэйминь надолго замолчал. Как бы помягче выразиться? Если бы такое произведение появилось в западной стране, например в США, его бы никогда не допустили к публикации. Не стоит обольщаться насчет американской свободы: во времена маккартизма там творилось такое, что переплюнуло бы даже сталинские чистки. Вот где были настоящие репрессии за слово, но стоило закончиться холодной войне и США утвердить свою гегемонию, как все это стало неважно.

Что же касается этого произведения, то внешне оно выражает сострадание к судьбе маленького человека через метафоры, а на деле пронизано презрением к патриотам. Ты патриот? А ты носишь фамилию Чжао? Ты достоин этого? Вот примерно такой был подтекст.

Он вспомнил слова одного деятеля из будущего: Нельзя любить родину только в моменты ее триумфа. Нельзя отворачиваться от страны, когда она в беде. Это неправильно. По мнению Ху Вэйминя, даже у самой свободной формы искусства должны быть границы. Он вспомнил режиссеров пятого поколения, которые ради одобрения западных господ любили снимать фильмы о неприглядных сторонах жизни страны в период ее становления.

Мысли его унеслись дальше. Он вспомнил некоторых писателей того времени: едят хлеб, выращенный страной и народом, живут в достатке, но, стоит им выехать за границу, как они забывают обо всем и поливают родину грязью. Они думали, что так станут цивилизованнее, но не понимали, что лишь подрывают авторитет своей страны и соотечественников в глазах мира. Назвать их культурными предателями было бы еще мягко сказано.

Иногда Ху Вэйминю казалось, что эта эпоха слишком сюрреалистична. С одной стороны, консерваторы все еще сильны, с другой — либералы проявляют пугающий радикализм. Взять хотя бы недавнее расширение международного аэропорта в столице. Нужно было украсить его произведениями искусства, но какими? Главный архитектор решил использовать настенную живопись и организовал группу художников. После долгих раздумий они выбрали тему Праздника воды, чтобы отразить стремление народа дай к свободе и счастью.

Идея была прекрасной, но на картине изобразили трех купающихся женщин. Чтобы пройти цензуру, набросок подправили, добавив линию, имитирующую юбку, но после завершения росписи эту линию стерли, и когда все заметили подвох, было уже поздно что-либо менять.

Когда фреску представили публике, люди толпами повалили в столичный аэропорт. Три купающиеся девушки из народа дай стали главной темой для обсуждений. Иностранные СМИ писали, что появление подобного в общественном месте — знак того, что Китай всерьез настроен на реформы. Однако волна критики была не менее мощной: некоторые дошли до того, что подняли вопрос о национальной гордости, шутя, что виновных следовало бы отправить в тюрьму Циньчэн за хулиганство.

Влияние этой фрески было беспрецедентным. Но это лишь ускорило реформы, став для внешнего мира сигналом: Китай действительно открывается. Ходили слухи, что Хо Индун, которого пригласили инвестировать в материковый Китай, долго сомневался, боясь потерять деньги из-за перемен. По его воспоминаниям, каждый раз по прилете он первым делом проверял, на месте ли фреска с обнаженными девушками: если она была на месте, он чувствовал себя спокойно.

Это была эпоха столкновения восточной и западной культур. Китаю предстояло не только открыться миру, но и научиться справляться с наплывом чуждых идей. В этот момент Ху Вэйминь внезапно осознал свою миссию в этом мире: нести культуру Китая и сделать так, чтобы мир по-настоящему узнал цивилизацию Хуася.

Осознав это, Ху Вэйминь почувствовал, как исчезла невидимая преграда между ним и миром. С этой секунды он стал самим собой.

— Ха-ха!

Ху Вэйминь рассмеялся — это был смех человека, чья душа наконец обрела покой. Однако его громкий смех вызвал лишь гневные взгляды студентов. Заметив, что на него смотрят как на врага, он смущенно почесал затылок, взял книгу и поспешно ушел.

...

В последующие два дня слухи о запрете Горькой любви распространились по всему университету. Студенты Яньда, гордость нации, были возмущены. Многие из них были в числе первых поступивших после восстановления экзаменов, они пользовались привилегиями и знали, что после выпуска займут важные посты. У них было развито чувство хозяина страны, а многие из них, будучи бывшими «образованными юношами», сочувствовали литературе «шрамов». Они считали, что запрет фильма — это шаг назад.

Спор разгорался все сильнее. Проходя мимо озера Вэймин, Ху Вэйминь наткнулся на группу студентов, обсуждавших последствия запрета.

— Товарищи, фильм нельзя запрещать! Я не видел его, но читал сценарий. Это хороший сценарий, это взгляд в прошлое!

— Верно, времена изменились, мы должны переосмыслить прошлое!

— Давайте напишем дацзыбао!

— Поддерживаю!

Призывы заводил нашли горячий отклик в сердцах молодых людей.

— Хе-хе.

В разгар спора этот холодный смешок прозвучал особенно резко.

— Кто это?

— Кто там смеется?

— Я, — Ху Вэйминь вышел вперед.

Он стоял прямо, и хотя был всего лишь охранником, его взгляд, обращенный на «цвет нации», был полон превосходства. Он мог бы промолчать, но чувство патриотизма, переполнявшее его, требовало выхода. Он не выносил тех, кто ест хлеб страны и в то же время проклинает ее.

— Товарищ, у вас есть иное мнение? — Тянь Гуанмин, организатор собрания, оглядел его с ног до головы и нахмурился.

Ху Вэйминь обвел взглядом присутствующих и произнес слова мадам Ролан: — О Свобода, сколько преступлений совершается твоим именем!

— Что? Кто ты такой? Что за чушь ты несешь?

— Товарищ, страна открылась, мы увидели мощь Запада. А почему они сильны? Потому что у них есть свобода! А теперь запрещают фильм — это ли не путь назад?

Студенты начали возмущенно шуметь. Тянь Гуанмин добавил: — Товарищ, наша страна отставала из-за закрытости. Мы должны переосмыслить прошлое и стремиться к свободе! Сегодня запретили фильм, завтра запретят книгу, а что будет дальше?

— Значит, вы не хотите дать мне высказаться? — спросил Ху Вэйминь.

— Ты не прав, это заблуждение!

— Твои мысли опасны и консервативны!

— Мы не запрещаем тебе говорить, но ты несешь пугающую чушь!

— Какое еще преступление именем свободы? Это абсурд!

Ху Вэйминь смотрел на них с легкой усмешкой. Тянь Гуанмин поднял руку, призывая к

тишине: — Товарищи, давайте слушаем, что скажет этот товарищ. Если он не прав, мы ему ответим.

Студенты притихли.

— Вы думаете только о свободе, но разве можно позволить распространяться ошибочным идеям? — Ху Вэйминь выпрямился, и его голос разнесся над озером. — Вы, студенты, питаете иллюзии о капиталистическом мире, считая, что там царит свобода, но не знаете, как Запад охраняет свои идеологические границы.

Он привел несколько примеров эпохи маккартизма.

— Главная ошибка фильма и сценария в том, что он отрицает ценность коллектива через трагедию личности. Он сеет рознь, и его цели крайне злонамеренны. Разве такой контент не должен быть запрещен?

Он продолжал приводить аргументы, разоблачая мифы о западной свободе и истинных целях подобных произведений. Студенты слушали, кто-то задумчиво, кто-то с недоверием, а кто-то с явным раздражением. Ху Вэйминь нанес тяжелый удар по их идеалам.

— Вы все студенты, должны знать историю. Разве вы не помните состояние страны при маньчжурах или при династии Цзян? Без сильной страны разве могут быть достойные граждане? Я прошу вас мыслить здраво, не поддаваться эмоциям и не давать использовать себя тем, кто хочет навредить нашему общему дому.

— А ведь он прав...

— Если подумать, то, что я могу учиться в университете, разве не доказывает, что страна на верном пути?

— Я был ослеплен. Если человек ставит условия для любви к родине, достоин ли он вообще называться человеком?

— Лишь жертвенность рождает великие устремления, дерзнем же изменить небо и солнце! — процитировал Ху Вэйминь слова Председателя, развернулся и ушел.

— Товарищ, как ваше имя?

— Ху Вэйминь!